

Не знаю, как вы, дорогие собеседники, а я нынче редко включаю телевизор. Не по лени-матушке, не по старческому равнодушию и не потому даже, что опасаясь попасть под влияние этого коварного зомбоящика, заразиться от него манкуртоносными бактериями. На сей счёт у меня, слава те Господи, иммунитет устойчивый, закалённый в многолетних битвах и трудах на идеологическом фронте. Да и вообще я не столько боюсь голубого идолища, сколько всё более стыжусь его и брезгую им. Того и гляди покажет что-нибудь непотребное, отчего невольно загорятся уши и подступит к горлу тошнота.

Вот хотя бы сегодня, раздумывая над этими заметками, проходил мимо него, самодовольно торчащего в переднем углу, и полусознанно нажал на кнопку пульта, а там... Вместо ожидаемого какого-нибудь сервильного толкователя последних указов и посланий президента там выплыло, извините, «постлание», то бишь явная предподготовка очередной постельной сцены, которые теперь непременно «украшают» фильмы, спектакли, их рекламные анонсы и мелькают по «телику» не только за полночь, но и среди бела дня. В часы, когда у экранов торчат в основном бабушки с внучатами.

Рука моя импульсивно отбросила пульт как что-то гадкое, вроде чёрной жабы с пупырями, я чертыхнулся и выскочил из гостиной с тем самым ощущением горевших ушей и подступающей тошноты.

Поверьте, я не святоша, не аскет, склонный к умерщвлению плоти, и, как говаривал великомудрый внук раввина, «ничто человеческое мне не чуждо».

Но именно человеческое, а не... Впрочем, не будем обижать братьев наших меньших, пребывающих в первобытной невинности. У нас речь пока о странных гуманоидах, находящихся по ту сторону экрана. Они, похоже, и слыхом не слыхивали, что нормальные «хомо сапиенсы» от рода наделены особым органом, называемым совестью. Невидимым, но весьма чувствительным и неопределимым важным. Философ Кант определял его как «нравственный закон внутри нас». И разумные законопослушные люди стремятся следовать ему,

пусть и неписаному, насколько хватает душевных сил. Они понимают, что есть такие акты и отправления в жизни человеческого организма, которым словно бы самой природой заповедано совершаться в священной тайне, вдали от посторонних глаз и ушей. В первую очередь, конечно же, к ним относятся — зачатие, рождение и смерть...

Между прочим, к соблюдению двух последних таинств тяготеют даже и многие животные, включая домашних. К примеру, если корове приспичит телиться на пастбище, то она непременно постарается уйти подальше от стада, от людей, укрыться в каком-нибудь овражке или в перелеске и там разрешиться от бремени. Именно так когда-то поступала наша красно-пёстрая Майка, приносившая телят-поздышей, и мне в крестьянском отрочестве не раз приходилось разыскивать их, припрятанных роженицей в укромном местечке.

А что касается таинства смерти в мире животных, то оно, похоже, с особой наглядностью «соблюдается» в дикой природе. Все мы с вами в годы детства, юности не однажды задумывались над тем, как и где кончают жизнь свободные звери и птицы. Ведь никто из нас не встречал в лесу, в степи либо на каком-нибудь косогоре палого, допустим, волка, зайца, орла или филина, если они, конечно, не были кем-то убиты. И каждому невольно приходила мысль о некой священной тайне, которая окружает их бесследное исчезновение «куда-то» по прикровенному закону природы.

Ну а возвращаясь к людям, можно вспомнить проявления этого таинственного закона во многих древних обычаях, отголоски которых долетают и до наших времён. К примеру, известен обычай индусов одинокими уходить на старости лет в джунгли, в некую «нирвану», то есть «в никуда», чтобы раствориться там на веки вечные. Правда, у нас старики не уходят в таёжные дебри, в наши джунгли, но кому доводилось бывать у одра умирающих, подтвердит, что они зачастую, словно стремясь отойти тайно, делают последние вздохи в моменты, когда свидетели отлучатся хотя бы на минуту-другую.

Кроме означенной сакральной «триады», к тому, что сама природа негласно «советует» окутывать тайной, несомненно, относится и нагота

человеческого тела. Прежде всего женского, но не только. Этот голос природы слышат даже дети. С определённого возраста они инстинктивно начинают смущаться своей и чужой наготы, исключая разве что явленной в обстановке, где она уместна и неизбежна. Всякое же выставление её напоказ и для дитяти противоестественно.

Приходит на ум выразительный пример на эту тему, отражённый в ряде воспоминаний о Льве Толстом и его семье. Однажды в их яснополянском доме маленькая дочка кухарки Аннушки, сидя за столом, перелистывала какую-то иллюстрированную книгу и, когда встречались обнажённые женские фигуры, восклицала: «О! Бабы моются!.. Опять бабы моются!» Это наивное, но мудрое в своей непосредственности выражение девочки очень понравилось всем Толстым, чутким к слову, и с той поры стало употребляться в семейном кругу для иронического обозначения всяких неприличных картин, театральных сцен и литературных пошлостей. А Лев Николаевич даже намеревался поместить его в задуманную книгу «Детская мудрость». Правда, замысел этот остался неосуществлённым, но простодушных слов кухаркиной дочки классик не забывал и частенько приводил в разговоре.

Возможно, их влияние отразилось и в таком эпизоде, запечатлённом кем-то из свидетелей. Дело было уже в конце жизни Толстого, когда он достиг поистине всенародной славы. За ним, всюду узнаваемым, люди ходили толпами. В одну из поездок в Тулу его, по прибытии на станцию, с особенным напором осаждали поклонники и любопытные. Они скупили на вокзале все открытки, какие там водились, и просили подписать их на память. Льву Николаевичу ничего не осталось, как покорно извлечь самопишущее перо и приступить к исполнению просьб почитателей. Однако чаемый автограф получил далеко не каждый. Подаваемые открытки с «картинками» дам декольте яснополянский мудрец подписывать отказывался категорически. Должно быть, в те минуты ему припомнилась естественная реакция невинной девочки на подобные изображения: «Бабы моются...» А, по известной пословице, устами детей глаголет истина...

Конечно, сегодня многие криво усмехнутся, читая эти строки, и сочтут поведение Льва Толстого за очередное чудачество «неадекватного» графа. Подумаешь, декольте! Да нынче даже иные скороспелые школьницы щеголяют в таких декольте, что и не снились великосветским дамам столетней давности. Притом не только в танцевальных залах или в театрах, а на улицах городов и весей России, самой целомудренной страны в крещёном мире.

Впрочем, заневестившихся старшеклассниц, гимназисток и студенток ещё можно понять: они выходят на смотрины, на брачный базар и,

движимые инстинктом поиска пары для создания гнезда и продолжения рода, исподволь стремятся представить свои «данные» во всей красе (тем более что рынок на дворе), — но от них мало в чём отстают иные замужние молодницы и даже женщины бальзаковского возраста. Помню, июльским днём минувшего лета видел, как одна мамаша вошла в автобус с малышом в коляске. Поднять коляску ей помог мужчина, стоявший у дверей. Между прочим, не то кавказец, не то среднеазиат в рабочей куртке. В ответ на «спасибо» он как-то испуганно кивнул и молча отвернулся. Разом притих и весь салон. По крайней мере, мужское его население. Многие смущённо усталились в окна. Дело в том, что пышная мама была одета слишком условно. На ней была полупрозрачная кружевная кофточка-маечка до пупка, а ниже шли такие... нет, даже не шортики, а скорее трусики или плапочки, в которых и на пляж не каждая модная купальщица на смелится выйти. Мамаша подкатила коляску к окну и смешалась со стайкой девчат, стоявших там тоже в условных одеждах — маечках на бретельках и коротких трусах либо джинсовых шортиках с рваной бахромой вокруг бёдер. По возрасту девицы были из тех самых, едущих на ярмарку, на ловлю женихов, на показ своего товара лицом, и с ними, как говорится, всё ясно. А вот зачем зрелой мамаше с ребёнком, у которой уже вроде бы решены брачные проблемы, так показательно полуобнажаться? Большой вопрос, загадка века...

Вспоминаешь прошлое лето — и невольно встают перед глазами одна подобная картина за другой, как в той книге с иллюстрациями, которую листала когда-то яснополянская девочка. Сплошное «бабы моются»...

И ведь не только у нас в России творится такое. Похоже, спешно обнажается весь подлунный мир, крещённый и некрещённый. Почему? С какой стати? И по чьей наводке или команде? Говорят, мода, мол, такая. Без всяких объяснений того, от каких «гносеологических корней» она взяла начало и откуда свалилась на наши головы. А в её тотальном распространении обычно грешат на средства массовой информации, которые и впрямь действуют всё агрессивнее, наглее и наступательнее. Особенно — электронные, о чём уже сказано выше. И в ряду самых бессовестно «обнажённых» среди них — вездесущий Интернет, поистине — Всемирная паутина.

Чтобы подкрепить эти заметки живыми примерами, решил я пройтись по сайтам, по блогам и вот какие навскидку обнаружил одновременно висящие там сообщения и картинки.

В Екатеринбурге, в театре юного зрителя, Иван Хлестаков, питерский чиновник из гоголевского «Ревизора», по ходу спектакля... насилует дочь городничего. Прямо на сцене. Почти натурально

и, понятное дело, не без мелькания «обнажёнки». Факты проверяет местная прокуратура.

Во Владимире открыта провокационная выставка, названная словом «Наружу» с неясной аббревиатурой перед ним. Посетители «подсматривают», как люди ведут себя вне общества. Наибольшим интересом у публики, особенно молодёжной, пользуются (кто бы сомневался!) «виды» с обнажениями, объятиями и прочими контактами. О реакции прокуратуры пока не сообщается.

В столице нашей родины Москве, в метро, некая дама заголилась... в знак протеста, что ей не уступили место в вагоне. Насколько «заголилась»? Блогер в своём ролике уточняет: она подняла подол и (пардон) приспустила трусы. Не уступавший прежде лыцарь с ближними соседями в панике покинули скамью.

И вообще, в России, оказывается, запущен проект «Сомнойвсётак», имеющий целью «помочь женщинам полюбить свою внешность». А точнее — наготу, если судить по иллюстрациям в паутине.

Ради объективности оговорюсь ещё раз, что ныне всё непринуждённое «бабы моются» не только у нас на Руси, но и в зарубежье, как ближнем, так и дальнем.

К примеру, в Незалежной заместитель председателя Запорожского облсовета Владимир Марченко публично заявил, что «откровенно одетые» женщины напоминают проституток. Возмущённые украинки в ответ запустили флешмоб — стали выкладывать в Интернет фото разной степени откровенности с язвительными подписями: «Забыли спросить Марченко», «Оценка вида женщин — не дело чиновника», «Имеем право» и так далее. При этом «виды» многих таковы, что кухаркина дочка, взглянув на них, явно бы повторила своё восклицание, а граф Толстой отказался бы ставить под такими «открытками» автограф.

В Португалии природно голая девушка прыгнула с сорокапятиметрового моста и выжила, даром что была заметно подшофе.

В другой стране вечно загнивающего капитализма финал футбольной Лиги чемпионов открыла «полуобнажённая фанатка», выскочившая на поле. В Интернете это подтверждено фотографией: полицейский гонится за женщиной, «полуобнажённой» которой выражается в единственных плашках, более похожих на перекрестья бретелек в «неожиданных» местах.

Словом, действительно поветрие это становится глобальным, «бабы моются» без стеснения на любых широтах и долготах. Да и ладно бы, всё же зрелище, сказать без ханжества, не из самых отвратительных. Но ведь и «мужики моются» публично всё охотнее — вот в чём богомерзкость последних времён. «Где такое видано?» — спросите вы. Да хотя бы в том же Интернете и даже в «современном»

театре. Например, у продвинутого идейно и «небрежного» финансово режиссёра Кирилла Серебренникова. Он когда-то прославился скандальным спектаклем «Голая пионерка», где главная героиня Маша Мухина служила на фронте наложницей у озверевших советских офицеров. Что подтверждалось наглядными сценами: в зрительный зал летели рваные трусы.

Но это в прошлом. А ныне в его московском «Гоголь-центре» всё привычнее сцены с голыми мужиками.

Не отстают и театральные модернисты из Питера, культурной столицы страны. Допустим, в знаменитой Александринке, в спектакле «Швейк», разом тридцать артистов прямо на сцене... снимают штаны. Под аплодисменты. Не верите? Мне бы тоже не хотелось, но об этом с кафедры рассказывал Олег Басилашвили студентам Гуманитарного университета профсоюзов. И даже он, большой прогрессист и либерал, возмущался падением вкусов и нравов.

Мне уже слышатся возражения оппонентов из числа свободомыслящих и лишённых совковских предрассудков. Говорите, на сцене, на экране, на страницах книг — обнажённые женщины и мужчины? Ну и в чём тут криминал? Каждый знает, что все мы с вами, в сущности, обнажённые. Таковыми рождаемся и таковыми умираем. А шкуры, тряпки на нас — лишь условность. Да и то они не на всех. Вон в южных африках, в америках наши шоколадные братья по разуму голышом шастают по своим джунглям, обходясь лишь набедренными повязками, — и ничего. Никто не возмущается, не бежит с доносом в полицию нравов. Есть и среди белых такие, что не спешат «паковаться», если холод не понуждает. Возьмите нудистов: они спокойно полёживают на пляжах в чём мать родила, наслаждаясь солнечными и морскими ваннами. В буквальном смысле — «бабы моются» и «мужчины моются» без ложного стыда. Не так ли?

Ой, не скажите, любезные свободолюбцы и всеобновленцы! Известно ведь, что исключения лишь подтверждают законы. И в первую очередь это относится к законам природы, законам нравственным, которые искони предписывают нам прикрывать наготу телесную — со времён Адамы и Евы, со времён Ноя ветхозаветного. Вспомним хотя бы притчу о сыне его Хама из «Книги Бытия».

Выйдя из ковчега вместе с сыновьями Симом, Хамом, Иафетом, начал Ной возделывать землю, развёл виноградники, выпил вина, и опьянел, и «лежал обнажённый в шатре своём». Хам увидел наготу отца и рассказал братьям. Сим с Иафетом взяли одежду, «вошли задом» в шатёр и «накрыли наготу отца». Ной проспался от вина, узнал о постыдном поступке Хама и проклял весь его род, начиная от сына Ханаана. С тех древнейших времён Хам известен как величайший грешник, а имя его

стало нарицательным. Хамством называют пренебрежение традициями, моральными, культурными запретами. В полном соответствии с гласом Божиим — «нравственным законом внутри нас».

Правда, знавала седая старина и другое отношение к нагоде. Все слышали о древнегреческом философе Диогене, который по улицам своего Синопа разгуливал голяком и даже на глазах у прохожих, следуя формуле «что естественно, то не безобразно», прощу прощения, справлял малую нужду.

Но Диоген был киник, то есть, по-нынешнему, циник. А мы-то с вами себя циниками не считаем, верно?

Как не считал себя таковым другой мыслитель древности, знаменитый римский философ Цицерон. Раздумывая над вопросом, чем же существенным человек отличается от животного, к примеру,

от собаки, он сделал такой вывод: «У человека есть настоящее, прошедшее и будущее. У собаки же есть одно настоящее. Её гложет голод, и она будет униженно рыскать и попрошайничать еды, пока не утолит его; взывается плоть — и она поспешит удовлетворить похоть при первой возможности, на виду у всех...»

Так что поступать «современно» («здесь и сейчас!»), чем обычно козыряют модернисты, предрасположены и собаки вместе с иными «братьями меньшими». А у нормальных «старших братьев», у людей разумных, имеющих прошлое, настоящее и будущее, принято и действовать соответственно, с учётом нажитого опыта, завещанных традиций и с думой о завтрашнем дне. О том, как отзовётся их слово и дело на потомках, если, конечно, они не из рода Хамова и Ханаанова.

Кроки реки Большой Кас, составленные капитаном парохода «Сибирячка» Л. И. Прушинским в навигацию 1889 г.